

40-2-1
Geographisches obshchestwo SSSR
Vestnik

ВѢСТНИКЪ

т. 20

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

— ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакцію исправляющего должность Секретаря Общества

В. П. Безобразова.

—
1857.
—

ЧАСТЬ ДВАДЦАТАЯ.

—
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1857.

SK

ОЧЕРКИ ИЗЪ БЫТА НѢКОТОРЫХЪ СИБИРСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Давно уже замѣчено, что привычка есть вторая наша природа, и что мы одарены особенною способностію усваивать себѣ всякій бытъ, въ какой бы ни были поставлены необходимостію. Отсюда-то произошла и самая воспріимчивость наша, что мы терпѣливо переносимъ и палящій зной на берегахъ Сенегала въ Африкѣ, отъ котораго кипитъ винный спиртъ, и жестокій холодъ на берегахъ Лены въ Сибири, который превращаетъ ртуть въ твердое и ковкое тѣло. ⁽¹⁾

Правда, къ защитѣ отъ холода всегда и вездѣ болѣе средствъ, чѣмъ отъ жара. Такъ, множество пушныхъ звѣрей, водящихся въ странахъ полярныхъ, доставляетъ туземцу, вмѣстѣ съ пищею, теплую и легкую одежду, которая защищаетъ его отъ холода и свирѣпости бурановъ и непогодъ, свойственныхъ тому негостепріимному краю; такъ, наконецъ, по невозможности на сѣверныхъ *тундрахъ* ⁽²⁾ и *бадара-*

⁽¹⁾ Précis de la Géographie universelle, par Malte Brun. Vol. 1, ch. XVI.

⁽²⁾ Тундра есть собственно покрытая топкими болотами низменность, простирающаяся иногда на нѣсколько сотъ верстъ, прерываемая возвышеніями или устьевная мелководными озерами. На безжизненной ея почвѣ, прорѣзываемой ледяными жилами и оттаявающей лѣтомъ отъ лучей не заходящаго солнца, не болѣе аршина въ глубину, господствуютъ лишь

нахъ ⁽³⁾, отъ недостатка кормовыхъ травъ, содержать лошадей и ѣздить на нихъ зимою, по-причинѣ ужасной глубины снѣговъ, служатъ тамъ для ѣзды ручные олени и приученныя къ тому собаки; а въ-случаѣ невозможности пользоваться ни тѣми, ни другими, жители прибѣгаютъ къ помощи обыкновенныхъ лыжъ, на которыхъ иногда прокладываютъ дорогу и для нартъ, возимыхъ оленями или собаками.

Надѣюсь, что подробности о всѣхъ этихъ поѣздкахъ и принадлежностяхъ къ нимъ не будутъ лишены занимательности и любопытства.

Порода оленей значительно распространилась на всемъ материкѣ Сѣверной Сибири, отъ Урала до Камчатки, и преимущественно за полярнымъ кругомъ, частію же въ средней и южной ея полосахъ. Несмотря на нѣкоторую разность этого животнаго, зависящую, кажется, болѣе всего отъ мѣстности и качества корма, оно, повидимому, составляетъ вездѣ въ Сибири одну и ту же породу, извѣстную естественнымъ наблюдателямъ подъ названіемъ *Cervus tarandus*. ⁽⁴⁾ Главное отличіе этого оленя состоитъ въ ростѣ и цвѣтѣ шерсти. Вообще, въ сѣверной части Сибири онъ ростомъ ниже, въ южной выше и дикій меньше ручнаго. Первый постоянно съ шерстью темнобурою или темно-коричневою, послѣдній же съ бѣлою, сѣрою, пестрою и даже черною. По замѣчанію Палласа, олени около Охотска крупнѣе, чѣмъ у Коряковъ близъ Камчатки, послѣд-

ми, произрастаютъ отчасти морошка да нѣсколько стелящихся по землѣ деревьевъ и тощихъ травъ. Зимою тундры, сливаясь съ Ледовитымъ моремъ, отъ снѣжныхъ сугробовъ и застругъ, представляютъ и сами видъ взволнованнаго замерзшаго моря.

⁽³⁾ Бадаранъ — тонкое, болотистое, кочковатое и совершенно непроходимое мѣсто.

⁽⁴⁾ Степановъ, въ своей «Енисейской губерніи», старается доказать, что этого оленя не должно называть оленемъ, а ланью. Онъ говоритъ: (Ч. I, стр. 219) «Лани съ перваго взгляда отличаются отъ оленя своею грубою статью. Большія лани, въ-сравненіи къ оленямъ какъ мулъ къ лошадямъ, малыя, какъ оселъ къ ней.» Но мы прибавимъ, что лань настолько же отличается отъ оленя, насколько овца отъ барана, потому что названіе лани принадлежитъ (по-крайней-мѣрѣ, въ Сибири) единственно оленьей самкѣ (важенкѣ), и то стельной.

ніе же превосходятъ самоѣдскихъ, и что, по измѣренію его, самоѣдская оленья самка имѣла въ длину отъ оконечности головы (чрезъ хребетъ) до хвоста 5' 7" 6"', въ вышину (чрезъ переднія лопатки) 3' 4" 4"'. Длина роговъ была (чрезъ полукругіе ихъ) 3' 1". Вѣсъ животнаго составлялъ свыше 200 фунтовъ. (5) Голова у сибирскаго оленя, какъ и у всякаго другаго, похожа на телячью; глаза большіе, выдавшіеся; уши средней величины, нѣсколько притупленные; рога у самокъ и самцовъ вѣтвистые, которые у ручныхъ оленей въ оконечностяхъ теряютъ нѣсколько правильность; хребетъ прямой, хвостъ короткій, ноги крѣпкія, съ раздвоенными широкими копытами. Жизнь оленя продолжается за 15 лѣтъ; до году онъ уже бываетъ способенъ къ работѣ, зато чрезъ 10 лѣтъ дѣлается безсмысленнымъ. Самка носитъ 8 мѣсяцевъ и телится однимъ, рѣдко двумя телятами (пыжиками).

Дикіе олени робки, пугливы и легко поддаются хитростямъ звѣролововъ. Обыкновенно промысляютъ ихъ *ямами*, прикрытыми хворостомъ и мхомъ, а иногда и снѣгомъ, чтобы лучше сравнять ее съ окружающимъ мѣстомъ и обмануть звѣря; добываютъ также *петлями*, прикрѣпленными къ нагнутымъ деревьямъ на тропинкахъ и въ мѣстахъ, которые больше любятъ посѣщать олени. Въ Сѣверо-Восточной Сибири много ихъ бьютъ на озерахъ и при переправахъ чрезъ рѣки. Вотъ какъ это дѣлается. Такъ-какъ олени всякую весну переходятъ изъ лѣсовъ съ юга на сѣверъ къ Ледовитому морю, по изобилію тогда на тундрахъ корма, и осенью съ молодыми телятами своими опять возвращаются въ лѣса, то туземцы, во время такого странствованія оленей, для подстереженія ихъ, одни скрываются на своихъ легкихъ *веткахъ* (6) въ самыхъ озе-

(5) Zoographia Rossico-Assiatica etc. Edit. 1831. P. 215.

(6) Ветка — лодочка въ родѣ челнока, длиною около сажени, деревянная или берестяная. Первая состоитъ только изъ трехъ досокъ: двухъ боковыхъ, толщиною въ четверть дюйма, при концахъ согнутыхъ, и овальнаго днища въ дюймъ, пришитаго къ нимъ толстыми нитками изъ оленьихъ жилъ. Вторая шивается по тому же образцу изъ бересты, но съ тонкими деревянными ребрами. Въ той или другой веткѣ можетъ сидѣть только одинъ человѣкъ, который управляетъ ею посредствомъ весла, оканчивающагося узкими лопатками. Держа весло по срединѣ, онъ гре-

рахъ, другіе въ болотахъ, откуда пригоняютъ оленей собаками къ озерамъ, и они, спасаясь отъ собакъ, бросаются въ воду, гдѣ скрытые въ лодкахъ звѣроловы колютъ ихъ своими *пальмами* ⁽⁷⁾ и *покоюгами* ⁽⁸⁾, сколько могутъ успѣть, до выхода оленей на другой берегъ. При переправахъ же чрезъ рѣки промышленники днемъ и ночью стерегутъ оленей въ засадахъ, на противоположномъ берегу, и какъ-скоро они, обыкновенно числомъ отъ 40 до 50, а иногда отъ 300 до 500, бросятся въ рѣку и пустятся плыть, то звѣроловы выходятъ изъ засадъ, садятся въ свои лодочки и, настигая оленей, обращаемыхъ противъ теченія рѣки, убиваютъ во множествѣ, съ удивительнымъ проворствомъ и легкостью, наблюдая при томъ, чтобы ударъ приходился въ бокъ оленя между лядвейною костью и лопатками. Послѣ-того, для доставленія домой убитыхъ оленей, перевязываютъ ихъ на длинные ремни и дѣляютъ безобидно.

Замѣчательны еще два способа, употребляемые для промысла оленей Ламутами и Юкагирами, лучшими оленеводами въ Сѣверо-Восточной Сибири. Первый состоитъ въ томъ, что нускаютъ въ стадо дикихъ оленей бойкаго и сердитаго ручнаго оленя, съ привязаннымъ къ рогамъ ремнемъ, саженой въ 6 длиною и съ петлями на концахъ; когда же олень будетъ

бѣтъ то однимъ, то другимъ концомъ и, такимъ-образомъ, легко и скоро подвигается впередъ. Въ этихъ лодочкахъ, по вертлявости ихъ, не привыкшему трудно сохранить равновѣсіе; но туземецъ, привыкшій съ малолѣтства, смѣло плаваетъ на ней, даже при сильномъ вѣтрѣ. Ветка и деревянная такъ бываетъ легка, что ее удобно можетъ перенести или тащить по землѣ, отъ одного озера и рѣки къ другимъ, одинъ человѣкъ, а берестяная еще легче, и ее переносятъ иногда на головѣ, какъ шляпу. Эти ветки преимущественно употребляются въ Залескомъ краѣ. На Енисей тополевыя ветки и берестяныя *джевуны* почти такого же устройства, только гораздо длиннѣе, такъ-что въ каждой изъ нихъ можетъ помѣщаться до 20 человѣкъ, не иначе, однако же, какъ, по-причинѣ узкости ихъ въ ширину, по одному человѣку.

(7) Пальма — толстый и по срединѣ широкій ножъ, въ $\frac{3}{4}$ аршина, насаживаемый на деревянный черенъ, длиною въ 1 и $1\frac{1}{4}$ аршина.

(8) Покоюга — родъ узкаго копья или пика, утвержденной на длинномъ древкѣ.

приближаться къ стаду, то привязываютъ другой ремень; сажень въ 15 длиною, за который звѣроловъ держась и слѣдуя за оленемъ, подходитъ къ самому стаду. Дикіе олени, увидѣвъ чужаго оленя, завязываютъ съ нимъ отчаянный бой рогами, при которомъ одинъ изъ этихъ четвероногихъ ревнивцевъ, запутавшись рогами въ петлѣ, достается въ добычу звѣролову. Подобный способъ добыванія дикихъ оленей существуетъ у березовскихъ и енисейскихъ Самоѣдовъ; но тамъ надѣваются петли на рога ручнаго оленя, въ которыя запутывается рогами же во время битвы и дикій олень, при чемъ первый, упираясь рогами въ землю, задерживаетъ послѣдняго до прибытія своего хозяина. Второй промыселъ производится помощію ученаго оленя, или такъ-называемаго *манчика* и *маньщика*, употребляемый, кромѣ упомянутыхъ народовъ, и ленокскими Тунгусами. Осенью, при оскудѣніи корма поблизости юртъ, обыкновенно отгоняютъ ручныхъ оленей въ мѣста, имъ изобилующія, за 30 верстъ и болѣе отъ жилья, куда, для знакомства съ важеньками новоприбывшихъ оленей, тотчасъ являются и дикіе олени. Между-тѣмъ, стадо первыхъ сопровождаетъ и хозяинъ. Завидѣвъ издали дикихъ оленей, онъ пускаетъ къ нимъ своего манчика, на длинномъ тонкомъ ремнѣ, и самъ, заслоненный этимъ манчикомъ, подкрадывается къ стаду такъ искусно, что его вовсе нельзя замѣтить, и подходитъ такъ близко, что можетъ свободно колоть оленей своею пальмою или пикою. При употребленіи же имъ огнестрѣльнаго оружія (винтовки) промыселъ бываетъ еще удачиѣе. Оленье стадо, обманутое манчикомъ, не прежде образумливается и убѣгается, какъ по застрѣленіи 5 или 6 оленей. Манчикъ къ этой роли готовится съ самыхъ первыхъ лѣтъ и выбирается изъ подходящихъ сколько возможно ближе къ дикимъ цвѣтомъ шерсти и статью. Онъ такъ ловко поддѣлывается, что дикіе олени считаютъ его не иначе, какъ за принадлежащаго къ ихъ стаду, и готовы всюду за нимъ слѣдовать, пока не обнаружится подлогъ.

Олень, какъ въ дикомъ состояніи, такъ и ручной, составляетъ одно изъ полезнѣйшихъ животныхъ для сѣвернаго обитателя. Оленье мясо и молоко служатъ ему въ пищу, и изъ послѣдняго, сверхъ-того, приготавливаются сыръ и масло. Хотя

удой молока и не великъ, но вознаграждается большимъ числомъ этого скота. Олень одѣваетъ туземца съ головы до ногъ, приготовляемою въ разныхъ видахъ кожею, доставляющею также и прочный покровъ для жилищъ, и прибыльную отрасль торговли.

Ручной олень тихъ и послушенъ. Онъ не требуетъ особеннаго присмотра и довольствуется мхомъ и древесными побѣгами, зимою выгребая мохъ изъ-подъ снѣга копытами, лѣтомъ, кромѣ того, лакомится грибами, даже бѣтъ мышей и рыбу. ^(*) Покорность и послушность его такъ велики, что для пастбы стада въ 2,000 оленей достаточно бываетъ одного или двухъ человекъ съ 6 собаками; а меньшее число, даже до 1,000 оленей, повинуются однимъ собакамъ, которыя, по голосу или знакамъ настуха, собираютъ ихъ, загоняютъ къ жилью, гдѣ, въ-случаѣ надобности въ оленяхъ для ѣзды или другаго употребленія, оцѣпляютъ стадо длинною веревкою и, сбѣснѣвъ оленей въ общій кругъ, накидываютъ на рога тѣхъ, которые нужны, ремень, и они безъ упрямства идутъ, куда угодно, еще съ бѣльшимъ послушаніемъ, чѣмъ волъ или лошадь, имѣя всю возможность защититься своими длинными рогами. Хозяева, считающіе у себя каждый до 100 ручныхъ оленей, слывать уже за богатыхъ; но есть такіе, у которыхъ до нѣсколькихъ тысячъ оленей.

Для ѣзды на оленяхъ употребляется такъ-называемая *нарта*, которая имѣетъ около сажени въ длину. Полосы ея, шириною въ 2½ вершка, къ головашкѣ суживаются и, круто заворачиваясь вверху и перегибаясь, проходятъ чрезъ всю нарту въ-видѣ нащепы, надъ копыльями, вдолбленными снизу въ самыя полосы и привязанными къ нимъ еще ремнями. Къ копыльямъ прикрѣпляются поперекъ деревянныя брусочки, на которыхъ накладываются широкія дощечки, утвержденныя къ головашкѣ полозьевъ; а въ сдѣланныя на брусочкахъ дырочки продѣваются бадажки, идущія чрезъ всю нарту и

(*) По увѣренію медико-хирурга Фигурина, бывшаго въ первомъ отрядѣ Сѣверной Экспедиціи 1821 года, подъ начальствомъ лейтенанта (нынѣ контръ-адмиралъ) П. О. Анжу. «Сибирскій Вѣстникъ» 1823 года, ч. IV, стр. 227.

танъ же, какъ дощечки, мозади согнутыя кверху и покрытыя особливимъ нащепомъ со стоячими поперечными столбиками. Иногда дѣлаютъ въ этомъ мѣстѣ родъ балаганчика, похожаго на пчелиный улей, и покрываютъ изнутри войлоками, а снаружи оленьими кожами, который служитъ для помѣщенія клади и для путешественниковъ въ метели и бураны; но въ тихую погоду и при жестокомъ морозѣ онъ совсѣмъ неудобенъ, отъ спирающагося выдыхаемаго воздуха и пристающей къ стѣнамъ сырости, которая, обращаясь въ иней, падаетъ мокрыми хлопьями; къ тому же, если случится этой крытой натрѣ опрокинуться, то трудно ее поднять и выбраться изъ-подъ нея наружу.

Оленья упряжь очень проста и почти во всей Сибири однообразна. На голову оленя надѣваютъ небольшую узду, безъ улитъ, которыя, по устройству его зубовъ, неудобны. Къ уздѣ прикрѣпляютъ сверху косточки съ маленькими шипиками, обращенными къ головѣ оленя, или два костяные налобника, выгнутые полукружіемъ: большой сверху, меньшій подъ верхнимъ угломъ глаза, и къ нимъ пристегиваютъ возжи, продѣтыя въ колечки надъ подпругою. Сверхъ-того, надѣваютъ на оленя толстую и широкую кожаную лямку, прикрѣпленную впереди нарту къ средней поперечной связи и проходящую подъ обѣ его ноги съ одной стороны. Если въ запряжкѣ два оленя, то у находящагося съ правой стороны лямка проходитъ чрезъ лѣвое плечо и ноги, а съ лѣвой наоборотъ. Такимъ же образомъ располагаются косточки съ шипиками, служащія къ управленію оленемъ, и возжи у праваго оленя — съ правой стороны, у лѣваго — съ лѣвой, узды обонихъ оленей соединяются поводомъ. Подъ тяжести запрягаютъ въ нарту по одному оленю и по двѣ пары.

Бѣда на оленяхъ въ запряжкѣ успѣшнѣе, чѣмъ на собакахъ. На хорошихъ оленяхъ и по удобной дорогѣ переѣзжаютъ безъ клади въ лѣтній долгій день до 150 верстъ и болѣе, а на перемѣнныхъ до 250 верстъ въ сутки, потому-что въ первомъ случаѣ они скоро устаютъ и надобно часто ихъ кормить. Два оленя (быка) везутъ клади не менѣе 16, а двѣ самки (важенки) 12 пудовъ. Проводникъ садится спереди верхомъ на нарту, упряясь пятками въ полозья. Женщины

всегда садятся съ правой стороны и упираются въ полозъ одною правою ногой, лѣвую же протягиваютъ вдоль нарты. Возжи обыкновенно держатъ обѣими руками и, вмѣстѣ съ ними, длинный шестикъ (хорей на Енисеѣ, ключка въ Камчаткѣ) съ костянымъ шарикомъ на одномъ концѣ и крючкомъ, копьемъ или молоткомъ на другомъ: первый служитъ къ понужденію оленей къ бѣгу, а послѣдніе къ поправленію упряжки. ⁽¹⁰⁾ Когда должно поворотить оленей вправо, то проводникъ тянетъ правую возжу и, придавливая ею косточки съ шишикомъ на головѣ оленя, заставляетъ его повиноваться, равно слѣдовать за нимъ и лѣваго оленя, понуждаемаго къ тому привязаннымъ къ его уздѣ поводомъ; такимъ же образомъ поступаютъ и съ лѣвымъ оленемъ, при поворотѣ его. Оленей съ первыхъ лѣтъ приучаютъ къ запряжкѣ, какъ лошадей, и самцы ихъ подвергаются той же жалкой участи (castrationi).

Для верховой и вьючной ѣзды олень мало способенъ и употребляется къ тому въ Сѣверной Сибири развѣ только лѣтомъ, но въ средней и южной ея части — вообще лѣтомъ и зимою, въ-особенности у Тунгусовъ ⁽¹¹⁾, по правому берегу Верхней Тунгуски и за Байкаломъ, также у инородцевъ ⁽¹²⁾

⁽¹⁰⁾ Степановъ говоритъ (тамъ же, стр. 221), что копыце на концѣ хорея служить противъ нападающихъ звѣрей; но едва ли оно достаточно къ тому, хотя было бы и не костяное, а желѣзное; да и дойдетъ ли до него очередь, когда проѣзжающіе по сѣвернымъ тундрамъ всегда имѣютъ въ запасъ палку или другое, болѣе надежное орудіе?

⁽¹¹⁾ Эти Тунгусы замѣчательны тѣмъ, что они, несмотря на близкое сосѣдство съ Русскими, доселѣ сохраняютъ странный обычай пестрить (татуировать) себѣ по примѣру дикихъ Американцевъ и Чукчей, лобъ и щеки разными цвѣтными узорами. Для этого мать ребенку своему, въ самомъ малолѣтствѣ, продѣваетъ иглою подъ верхнюю кожушку жилую нитку, натертую порошокомъ каменнаго угля, который на всю жизнь остается, просвѣчиваясь чрезъ кожушку яркимъ голубымъ цвѣтомъ. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ обитающихъ на сѣверѣ Тунгусовъ сохраняютъ тотъ же обычай.

⁽¹²⁾ Инородцы (т.-е. платящіе государственную подать, или ясакъ звѣриными кожами), кочующіе въ верховьяхъ означенныхъ рѣкъ и состоящіе изъ малолюдныхъ поколѣній, называемыхъ Камасинцами (Камышенцами) и Карагасами, также и другихъ, мѣньшихъ, заслуживаютъ внима-

по рѣкамъ Кану, Онѣ, Чуву и Удѣ. Причина малаго употребленія оленя для верховой ѣзды, можетъ-быть, слабость его спины, которая не выноситъ тяжести болѣе трехъ или четырехъ пудовъ. Выючатъ оленей или садятся на нихъ надъ самыми передними лопатками, даже на шею. Олень сѣдло такъ мало, что на немъ съ трудомъ, и то при особенномъ только навыкѣ, можно держаться; къ тому же, оно безъ стремянъ и

ніе, какъ единственные здѣсь представители исчезнувшихъ значительныхъ поколѣній самоѣдскаго племени, напоминаемыхъ только сибирскою исторіею, каковы суть: Асаны, Котовы, Хайдыны и другіе, можетъ-быть, смѣшавшіеся съ ними же. Они замѣчательны и въ этнографическомъ отношеніи тѣмъ, что, имѣя сходство съ Самоѣдами въ языкѣ и употребленіи для ѣзды оленей, много уклонились отъ нихъ въ житейскомъ бытѣ. По свидѣтельству Палласа (*Voyages du Professeur Pallas dans plusieurs provinces de l'Empire de Russie etc. t. VI, p. 141*), Карагасы и до принятія ими христіанской вѣры не имѣли, вопреки Самоѣдамъ, ни уродливыхъ куколъ, почитаемыхъ послѣдними за божковъ, ни шамановъ, но поклонялись солнцу и небу и приносили имъ въ жертву голову и сердце убитыхъ звѣрей, не оставляя, впрочемъ, безъ небольшихъ жертвъ ни рѣкъ, ни высокихъ горъ, по примѣру сосѣдей своихъ, инородцевъ же. Покойниковъ хоронили они въ плетневыхъ балаганахъ, на деревьяхъ, и просто клали на землю, закрывъ только прутьями, въ чемъ также соглашались они и съ сосѣдами своими и съ Тунгусами, но не съ Самоѣдами, зарывающими покойниковъ въ землю, при отправленіи шаманомъ гризны. Карагаски, подобно отдаленнымъ Корейкамъ, носятъ на головѣ круглыя и широкія тростниковыя шляпы, а въ замѣнъ чулковъ обвертываютъ ноги въ древесную кору, чему нѣтъ примѣровъ ни у Самоѣдовъ, ни у другихъ кочевыхъ народовъ, кромѣ развѣ ближайшихъ къ нимъ. Общее мнѣніе то, что всѣ эти номады, представляющіе въ своемъ языкѣ сходство съ самоѣдскимъ и прочихъ обитателей сѣвера, суть остатки отъ большихъ народныхъ массъ, изгнанныхъ изъ Южной Сибири сильнѣйшимъ непріятелемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, кромѣ этого живаго памятника — языка народнаго, можемъ еще указать и на другой, такъ-сказать, мертвый памятникъ, въ пользу того же мнѣнія. Это древнія начертанія на утесистыхъ берегахъ Енисея и соединяющихся съ нимъ рѣкъ, гдѣ, между множествомъ животныхъ и разныхъ предметовъ, ручной олень (нынѣ въ томъ краю неизвѣстный) играетъ важную роль. Мы видимъ его тутъ то со всадникомъ, одѣтымъ въ узкомъ и короткомъ платьѣ, въ большой круглой шапкѣ и съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ, то лежащаго съ покорностію передъ стоящимъ человекомъ и собакою, то ведомаго за рога на поводу и т. д. Можетъ-быть, это какіе-нибудь и гіероглифическіе знаки, но все же не лишеные дѣйствительности.

безъ подпруги, а подвязывается лишь тонкимъ ремнемъ. вмѣсто узды также служитъ ремень, обхватывающій шею оленя. Все это, при подвижности оленьей спины, отъ густой, короткой и толстой шерсти и отъ подкожнаго жира, чрезвычайно неловко и ненадежно, что дознано мною и собственнымъ опытомъ, во время давняго пребыванія въ Сибири, при перѣздѣ въ одномъ селеніи нынѣшняго Канскаго уѣзда на оленѣ, принадлежащемъ Карагасамъ, впрочемъ, самаго небольшого разстоянія.

Во всей Сѣверной Сибири и въ Камчаткѣ лошади и олени служатъ преимущественно для лѣтней ѣзды; для зимней же употребляются собаки, исключая низовыхъ мѣстъ по Оби и ея притоковъ, гдѣ зимою и лѣтомъ ѣздить болѣею частію на оленяхъ, можетъ-быть, оттого, что по рыхлости и тонкимъ слоямъ снѣга олени, какъ надѣленные отъ природы широкими у ногъ плюснами, менѣе вязнутъ, чѣмъ собаки, и имъ не нужно прокладывать дорогу на лыжахъ. Въ другихъ мѣстахъ по глубокимъ снѣгамъ и мѣстамъ гористымъ не пройдутъ олени и 5 верстъ, тогда-какъ собаки перебѣгутъ до 50 верстъ безъ особенной усталости, не сбиваясь съ пути на бездорожицѣ по тундрамъ, часто безъ всякихъ признаковъ, по которымъ бы можно сулить о направленіи пути. Кромѣ далекихъ поѣздокъ, собаки необходимы при звѣриныхъ промыслахъ и въ легкихъ услугахъ замѣняютъ домашній скотъ.

Здѣшнія собаки не составляютъ какой-либо особой породы, а принадлежатъ къ обыкновеннымъ дворняшкамъ (*Canis familiaris*). Онѣ имѣютъ стоячія острые уши, продолговатую морду и пушистую шерсть, особливо на загривкѣ и подъ брюхомъ, отличаясь болѣе всего отъ дворняшекъ малою привязанностью къ хозяевамъ. Такая непріязненность ихъ происходитъ, вѣроятно, болѣе оттого, что и сами хозяева, по значительному числу собакъ, немного заботятся о нихъ, что собаки нерѣдко переходятъ отъ однихъ хозяевъ къ другимъ и съ малолѣтства содержатся въ строгой неволѣ. Ростъ и цвѣтъ шерсти ихъ бываетъ различный, какъ и вообще у домашнихъ животныхъ ⁽¹³⁾. Чаше встрѣчаются, однако же, роста средняго

⁽¹³⁾ Отчего животныя, сохраняющія въ дикомъ состояніи постоянно

и одношерстные: черныя, бѣлыя, сѣрыя какъ волки, иногда съ ушами другой шерсти, напр. бѣлыя съ черными; попадаютъ также и пестрыя собаки. По замѣчанію Степацова, въ Енисейской губерніи ѣздовыя собаки длиною 16, высоту въ 12 вершковъ⁽¹⁴⁾. Если эта мѣра длины и средняя, и только отъ шеи до хвоста, все-таки она мнѣ кажется укороченною, судя по тѣмъ собакамъ, на которыхъ случилось нѣкогда и мнѣ прокатиться на небольшомъ пространствѣ по Оби между Нарымомъ и Сургутомъ. Сколько привою, онѣ были разной масти, ростомъ съ обыкновенныхъ лагавыхъ собакъ, но гораздо тоньше, и шерсть имѣли вездѣ короткою, кромѣ пушистаго и загнутаго вверху хвоста. Одно изъ главныхъ отличій полярныхъ и камчатскихъ собакъ составляетъ то, что онѣ не лаютъ, а лишь ворчатъ и воютъ, также вовсе не подвержены болѣзни, называемой *вадоболэмію*⁽¹⁵⁾. Подобное явленіе путешественники находятъ и въ жарномъ поясѣ подъ экваторомъ. Такимъ-образомъ, природа соединяетъ одинакими феноменами самыя отдаленнѣйшія части земнаго шара: различныя причины, но явленія тѣ же самыя.

Собаки не требуютъ особенной заботливости о нихъ со стороны хозяевъ, и даже, несмотря на вѣрную ихъ службу и самую въ нихъ необходимость, хозяева поступаютъ съ ними довольно сурово. Только щенята пользуются нѣкоторымъ снисхожденіемъ: ихъ содержатъ всегда въ теплѣ, хотя и на привязи, кормятъ вдоволь, и за ними тщательно ухаживаютъ женщины, можетъ-быть, болѣе для шкуръ, которыя легче и пушистѣе, чѣмъ у взрослыхъ собакъ, и идутъ на красивую опушку женскихъ и мужскихъ нарядовъ. Къ ѣздѣ начинаютъ приучать собакъ годовалыхъ, уже клadenыхъ (онѣ, какъ и олени, приводятся въ это состояніе особеннымъ образомъ,

однѣ цвѣтъ шерсти, напримѣръ, лошади, олени, сдѣлающіеся ручными, подвергаются измѣненіямъ ея, при совершенно-одинаковыхъ, впрочемъ, кормѣ и бытѣ ихъ, кажется, доселѣ еще не рѣшено положительно

⁽¹⁴⁾ Енисейская губернія, ч. I, стр. 223.

⁽¹⁵⁾ Последнее подтверждаетъ и Палласъ: *Notatu dignissimum autem est in Sibiria et Camtschatca hydrophobiam nunquam invadere canes, quorum ibi morbi contra alii. Zoographia Rossico-Asiatica etc. Vol. I, p. 60.*

безъ употребленія ножа); послѣ того чрезъ годъ обрубиваютъ имъ хвостъ (въ Камчаткѣ), сберегая его развѣ только у нѣкоторыхъ, въ предположеніи, что порубъ хвоста, вмѣсто облегченія собакъ, можетъ испортить ее стать.

Лѣтомъ оставляютъ при жильяхъ тѣхъ лишь собакъ, которыя нужны для звѣриныхъ промысловъ; прочимъ же даютъ полную свободу, и онѣ сами себя пропитываютъ, добывая на тундрахъ мышей, разныхъ звѣрьковъ и всякіе корни, а на рѣкахъ рыбу, которая въ то время идетъ къ верховьямъ рѣкъ въ несмѣтномъ множествѣ и оттого съ трудомъ можетъ обограться по теченію воды и легко достается въ добычу собакамъ. Въ лѣтнихъ промыслахъ употребляютъ собакъ даже подѣ выюки: на нихъ возятъ съѣстные припасы и платье, накладывая на каждую отъ 1½ до 2 пудовъ тяжести. Осенью (въ октябрѣ) хозяева собираютъ своихъ собакъ и выдерживаютъ ихъ для зимней ѣзды на привязи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онѣ въ запряжкѣ, чувствуя болѣе свободы, тянули дружнее. Въ Камчаткѣ для привязи ихъ служитъ желѣзная цѣпь съ двумя концами, къ которымъ прикрѣпляется пара собакъ, посредствомъ особыхъ шиповъ (кляповъ) на ихъ ошейникахъ (служащихъ и для запряжки ихъ); шипы эти вкладываются въ кольцо на концѣ цѣпи, верхнимъ концомъ прибиваемой къ столбу. На промыслахъ же привязываютъ ихъ къ тонкой и гибкой тычинкѣ, воткнутой въ землю или снѣгу для того, что если собаки начнутъ рваться, тогда тычинка, уступая имъ своею гибкостію, опять приходитъ въ прежнее положеніе. При этомъ вмѣсто цѣпи служатъ простые вязки, съ одного конца изъ кости или дерева, съ другаго изъ ремня: иначе, сплошные вязки, изъ ремня или дерева, собаки перегрызли бы и получили свободу, а въ такомъ случаѣ трудно было бы ихъ иногда и поймать. Зимой не жалѣютъ корма собакамъ. Главную въ это время для нихъ пищу составляетъ въ Камчаткѣ такъ-называемая *опана*, приготовляемая изъ подогрѣтой воды, съ подмѣсю проквашенной рыбы и костей рыбьихъ; въ другихъ мѣстахъ *южнала*, *юкала* и *порса*, состоящая изъ разной рыбы и ее костей, толченыхъ и сваренныхъ въ водѣ, иногда съ малымъ количествомъ муки, также мелкая рыба, напередъ заквашенная въ ямѣ и просушенная; даютъ имъ иногда крас-

ную и бѣлую рыбу и безъ всякаго приготовленія мясо убитыхъ звѣрей, птицъ и проч. Но хлѣба эти собаки не любятъ, какъ и сами хозяева ихъ не всегда къ нему пристрастны. При всякомъ удобномъ случаѣ, собаки не упускаютъ, однако же, чтобы не полакомиться курами, даже овцами и свиньями, гдѣ ихъ содержатъ, а потому всѣхъ этихъ животныхъ запираютъ и крѣпко стерегутъ, чтобы собаки не загрызли.

Удивительно, что на такомъ безпредѣльномъ пространствѣ и между народами, раздѣленными столько же непреступностью мѣстности, сколько и особеннымъ своимъ происхожденіемъ, такъ много общаго въ содержаніи собакъ и ѣздѣ на нихъ. Иначе и быть не могло, потому-что собаки въ тѣхъ мѣстахъ ничѣмъ не замѣнимы: нельзя было придумать ничего лучше и простѣе ѣзды на нихъ. Собаки предъ лошадьми и оленями имѣютъ тѣ преимущества: 1) что онѣ въ самыя жестокіе бураны, когда не видно не только дороги, но даже невозможно раскрыть глазъ, не сбиваются съ пути или чутьемъ очень скоро его находятъ; 2) что, при невозможности продолжать поѣздку, спокойно ложатся въ снѣгъ возлѣ хозяина и его согрѣваютъ; 3) что вѣрнѣе всякаго барометра предсказываютъ наступленіе бури и непогоды, ложась на дорогѣ или зарываясь въ снѣгъ. Правда, собачья ѣзда не изъята и отъ нѣкоторыхъ неудобствъ, именно: 1) по узкости и легкости служащей для ѣзды на собакахъ нарты, при всей ловкости и осторожности проводника, легко можно на самыхъ небольшихъ раскатахъ и ухабахъ, потерявъ равновѣсіе опрокинуться, и въ такомъ случаѣ собаки тащатъ нарту и иногда самого проводника, пока не выбьются изъ силъ либо не зацѣпятся за дерево или что другое, хотя смышленная передовая собака болѣею частію отвращаетъ такую бѣду. Оттого собака эта и цѣнится очень дорого: за нее платятъ до ста рублей серебромъ и болѣе. Она пристегивается всегда спереди прочихъ и, непрерывно оглядываясь на проводника, выслушиваетъ произносимые имъ извѣстные звуки для направленія путеслѣдованія ⁽¹⁶⁾. Замѣ-

(16) Звуки или междометія, произносимые для управленія собаками, не вездѣ одинаковы. Такъ, напр., при поужденіи собакъ къ повороту произносятъ слоги: въ низовыхъ мѣстахъ Оби — *тиль-тиль* — вправо, *буть-тиль* —

тивъ, что проводника не стало на нартѣ, она тотчасъ поворачивается со всѣми собаками и бѣжитъ искать его по прежнему слѣду. Если же заднія собаки будутъ противиться, то исподоволь, на всемъ скаку, начинаетъ она дѣлать круги и, увлекая за собою всѣхъ собакъ, достигаетъ своей цѣли. Въ случаѣ же неотысканія проводника, собаки возвращаются въ селеніе и поднимаютъ страшный вой, давая тѣмъ знать о потерѣ своего хозяина. 2) При спускахъ съ крутыхъ горъ и на косогорахъ или когда собаки почувютъ какого-нибудь звѣря, трудно удерживать ихъ отъ скорого бѣга. Въ первомъ случаѣ, для отвращенія ушиба о деревья или другаго несчастія, отпрягаютъ всѣхъ собакъ, кромѣ одной, надѣваютъ на полозья нарты ременныя или изъ березовыхъ прутьевъ кольца, называемыя *вицами*; а въ другомъ проводникъ сдерживаетъ собакъ посредствомъ своихъ ногъ и толстой налки съ загнутымъ нижнимъ концомъ, которую погружаетъ въ снѣгъ подлѣ копыльцевъ и бороздитъ ею до тѣхъ шоръ, пока собаки не остановятся. 3) Напротивъ того, при подъемахъ на горы, собаки, по слабосилію своему, едва могутъ тащить и простую нарту, а проводникъ или сѣдокъ въ необходимости бываетъ выходить изъ нарты и подниматься вѣшкомъ. 4) Собаки часто запутываются въ своей упряжи и должно выправлять ихъ голыми руками, что, при жестокости сибирскихъ морозовъ, не всегда дѣлать легко.

Лучшая и удобнѣйшая ѣзда на собакахъ — въ мартѣ и апрѣлѣ, по отвердѣлому снѣгу, называемому *мѣстомъ*. Тогда же производится въ за-Ленскомъ краю самый удачный промыселъ лосей, или *сохатыхъ* (*Cervus alces*). Собакъ запрягаютъ для того въ длинныя и легкія нарты. Какъ-скоро охотники замѣдятъ звѣря, то начинаютъ гоняться за нимъ на лыжахъ, сопровождаемые собаками, и мучатъ его до тѣхъ шоръ, пока онъ не выбьется изъ силъ, потому-что настъ, по величинѣ и тяжести лоса, сдерживать его не можетъ.

Несмотря на множество собакъ, содержимыхъ сѣверными обитателями, онѣ не дѣлаютъ особеннаго безпокойства ни

влѣво; въ за-Ленскомъ краю — *тахъ-тахъ* — вправо; *нахъ-нахъ* — влѣво; въ Камчаткѣ — *нахъ-нахъ* или *хна-хна* — вправо; *хугъ-хугъ* — влѣво и т. д.

своимъ хозяевамъ, ни посѣтителямъ, развѣ только для пріѣзжихъ непріятенъ бываетъ безъ привычки ихъ вой; но если мы такъ снисходительны къ пѣнію ночному, громкому и почти не умолающему, шѣтуховъ, то для чего отказывать въ томъ и собакамъ? Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ по этому предмету одного путешественника. ⁽¹⁷⁾ «Въ самый день пріѣзда нашего (въ Обдорскъ, 8 декабря 1821 г.), около 8 часовъ по-полудни, мы слышали страшный вой множества вѣзовыхъ собакъ, которыхъ держатъ здѣсь ста четыре. Голодъ, ежедневно въ одинъ часъ, заставляетъ ихъ подымать эту музыку: стоить одной собакѣ завывать, и всѣ ей аккомпанируютъ; но въ другое время собакъ почти не слышно. Онѣ и въ сильные холода не требуютъ защиты отъ непогоды, спятъ себѣ около жилья въ сѣговыхъ ямахъ, протаявшихъ подъ ними, отъ ихъ же собственной теплоты.... Здѣсь, какъ и по всему течению Оби, Остяки кормятъ собакъ только рыбою, которую просушиваютъ на солнцѣ, толкутъ вмѣстѣ съ ея костями и подъ названіемъ *порсы* сберегаютъ для нихъ и для себя въ мѣшкахъ изъ осетринной кожи.»

Нарта — экипажъ вообще сходный въ легкости, но много отличающійся въ величинѣ и устройствѣ своемъ. Собачья нарта гораздо уже и короче оленьей. Она состоитъ изъ деревянныхъ пластинокъ, ободьевъ и обручиковъ, связанныхъ ремнями такъ, что, въ-случаѣ надобности, можно разбирать и переносить ее на себѣ. Головашка, или передокъ полозьевъ оканчивается дугообразно, съ загибомъ вверхъ, переплетеннымъ ремнями и называемымъ (на Енисей) *барабаномъ*, къ которому прикрѣпляется толстый ремень, служащій основою для всей упряжи, какъ это увидимъ далѣе. Вотъ описаніе нарты за-Ленскаго края, сообщенное покойнымъ Геденштромомъ ⁽¹⁸⁾, которое, по отчетливости своей, можетъ дать понятіе и о другихъ подобныхъ нартахъ: «Основу ея составляютъ два березовые полоза, длиною до 4 арш., шириною въ 3 вершка, толщиною въ 1 верш., напередъ вымоченныхъ въ

⁽¹⁷⁾ Voyage pittoresque en Asie par Eyriès, ch. VII.

⁽¹⁸⁾ Путешествіе Геденштрома, «Сибирскій Вѣстникъ». 1822 г. Ч. XVII, стр. 174—176.

водѣ такъ, чтобы совершенно были ею проникнуты. Передняя часть полозьевъ въ аршинъ и нѣсколько загнута. Въ верхнемъ ребрѣ каждого полоза дѣлается коническая выемка, въ которую входитъ пятка копыла. Повыше просверливаются скважины, и въ нихъ продѣваются плотные ремни (кинари), прикрѣпляющіе копылья къ полозу и проводимые въ выемки подѣ полозѣ. По срединѣ копыльевъ просверливаютъ также коническія отверстія, и чрезъ нихъ каждая пара копыльевъ соединяется плотными древками, около аршина длиною, называемыми вязками. Поверхъ вязковъ кладутъ во всю длину и ширину нарты тонкую доску; а съ боковъ, къ доскѣ и къ головкамъ копыльевъ, привязываютъ ремнями тонкія березовыя жердочки (вардени). Эти ремни (кутоги) представляютъ видъ рѣшетки и образуютъ какъ бы стѣнки нарты. Впереди помѣщается толстая березовая дуга (баранъ), привязываемая концами къ двумъ переднимъ копыльямъ. По срединѣ дуги укрѣпляется толстый ремень (держальникъ), служащій проводнику для управленія нартою. Одинъ конецъ этого ремня лежитъ на нартѣ, другой выходитъ изъ дуги петлею, съ которою соединяется посредствомъ деревяннаго бруска (кляпа), и ремень (потикъ) длиною въ 3 саж., раздѣленный на 6 петель. Въ дорогѣ исподъ полоза каждый день обливаютъ горячею водою, отчего получается двойная выгода: дерево подѣ оледенѣлою корою менѣе истирается, а нарта идетъ гораздо ходче.»

Дальнѣйшія объясненія приборовъ собачьей ѣзды и прочихъ ея принадлежностей относятся преимущественно къ Камчаткѣ, гдѣ ѣзда на собакахъ находится въ наибольшемъ развитіи, но не менѣе того могутъ служить примѣромъ и для другихъ мѣстъ Сибири. Въ Камчаткѣ *санки*, или *сѣнка*, по мѣстному выраженію, по-камчадалски *памка* и *шеонхедъ*, устраиваются главнѣйше изъ загнутыхъ древесныхъ прутьевъ, связанныхъ ремнями и укрѣпленныхъ въ полозья на четырехъ копыльяхъ около аршина въ вышину, и украшаются разноцвѣтными ремнями и кожею. Сидѣть въ нихъ можно съ трудомъ двоимъ; но обыкновенно ѣздитъ одинъ человекъ, свѣсивъ ноги на правую сторону и упираясь ими въ полозѣ. Ѣздить верхомъ на этихъ санкахъ было бы удобнѣе и безопаснѣе; но, по мѣстному обычаю, считается это предосудитель-

нымъ, такъ же, какъ и съ проводникомъ: первое доказало бы неопытность ѣздока, а съ послѣднимъ (каюромъ) прилично ѣздить лишь женщинамъ. Новички и женщины, однако же, охотно свозятъ такое безчестіе, предпочитаютъ легкую санку покойному, но громоздкому экипажу.

Лямки (алаки тенуанъ) приготовляются изъ широкихъ мягкихъ ремней, вдвое согнутыхъ, и накидываются на шею собакъ черезъ переднюю лопатку. Къ лямкѣ пристегивается ременной *потягъ* (игошежидъ), прикрѣпляемый къ *побѣжнику* (конопошана), вмѣсто дышла, и соединенному шипомъ или кляпомъ чрезъ кольцо, съ перекладиною у головашки полосьевъ. Противъ каждой пары собакъ свободно движется на среднемъ кольцѣ небольшая цѣпочка, къ которой пристегиваются собаки шипами, прикрѣпленными къ ихъ ошейникамъ. Цѣпочки эти замѣняютъ узду (куйгулы) для собакъ.

Ошейники дѣлаются изъ крѣпкаго ремня, съ желѣзными или костяными шипами, служащими дома для привязи собакъ на цѣпь, а въ запряжкѣ для прикрѣпленія посредствомъ цѣпочки къ побѣжнику, чтобы собаки не разбѣгались. Иногда надѣвается на собакъ еще другой ошейникъ, изъ медвѣжьей кожи, вверху шерстью, но только для красоты.

Оштоль (*прудило* и *приколъ* — на Ленѣ, *тарыль* — на Енисей) — палка, длиною около аршина; верхній ея конецъ съ разными побрякушками, а загнутый нижній снабженъ всегда желѣзнымъ наконечникомъ. Употребляется она вездѣ къ понужденію и останавливанію собакъ.

Въ санки, которыя составляютъ нѣчто въ родѣ бѣговыхъ дрожекъ, запрягаютъ въ Камчаткѣ по пяти собакъ. Ёзда на нихъ находятъ тамъ даже страстныхъ охотниковъ, которые стараются подбирать въ корень скакуновъ, далѣе рысаковъ, впередъ же какихъ случится собакъ, потому-что, при особенной понятливости передовыхъ, онѣ рѣдко бываютъ красивы, хотя встрѣчаются иногда и между ними, при сохраненіи и этого условія, очень хорошіе иноходцы. Въ запряжкѣ собакъ въ обыкновенныя нарты, напротивъ-того, не наблюдается никакой правильности. Иногда передовая собака впрягается рядомъ съ другою, за нею двѣ сворныхъ, далѣе двѣ или три подтяжныхъ, пристегиваемыхъ даже просто къ передку нарты. Переднихъ собакъ всегда запрягаютъ въ лямку, а тѣхъ, которыя служатъ

лишь имъ въ помощь, въ особые хомутики (на Енисей) изъ оленьей кожи съ шерстью, отъ которыхъ пропускается мягкая тесьма, соединяющаяся съ лямкою, пристегиваемою отъ собаки къ барабану нарты. Четыре собаки называются въ Камчаткѣ нартою же, какъ у насъ лошади цугомъ.

Для возки тяжестей употребляются въ Камчаткѣ почти такіе же нарты, какъ и въ за-Ленскомъ краю, кромѣ-того, что онѣ короче, уже и выше ихъ. Это придаетъ имъ много легкости, но дѣлаетъ валкими. Запряженные въ нарту 7 или 10 хорошихъ собакъ свободно везутъ отъ 20 до 25 пудовъ клади. Въ повозки же для проѣзжихъ запрягаютъ по 15 и по 25 собакъ. Последняя ѣзда, впрочемъ, довольно медлительна и неудобна оттого, что несвыкшіяся собаки отъ разныхъ хозяевъ не тянутъ дружно, и что, впряженные гусемъ попарно, будучи растянуты на большомъ пространствѣ, мало повинуются проводнику. Если бы позволяли мѣстность и другія условія, то лучше бы запрягать рядомъ по шести собакъ, какъ это дѣлаютъ Чукчи (по мѣстному выраженію, Чаукчи); во въ такомъ случаѣ, можетъ-быть, потребовались бы для ѣзды и ихъ маленькія санки, или чукки, съ полозьями изъ *рыбьей кости* (моржовыхъ зубьевъ), которыя въ Камчаткѣ мало употребительны. Камчадалы и сами предпочитаютъ возить на нартахъ мадыя тяжести, не болѣе пяти пудовъ, хотя при томъ необходимо бываетъ большое число проводниковъ. По торной дорогѣ и съ тяжелою кладью переѣзжаютъ на собакахъ верстъ по 80 день, а налегкѣ, особливо по насту, и на костяныхъ еще полозьяхъ, можно проѣхать, какъ на оленяхъ, до 150 верстъ.

Лыжи всакому извѣстны; но въ Сибири, и особливо въ Камчаткѣ, устроиваются онѣ нѣсколько иначе, чѣмъ лыжи, употребляемыя въ Европейской Россіи. Приготавливаясь изъ мягкихъ деревьевъ, каковы: ель, пихта, тополь и береза, онѣ выгнуты бываютъ по срединѣ и сведены въ острый уголъ въ концахъ, а снизу подбиваются кожею вверхъ шерстью съ конскихъ или оленьихъ ногъ (кымасы), сдираемой подъ самыми копытами и придѣлываемой для того къ лыжамъ, чтобы онѣ были ходче и при подѣмѣ на гору не скатывались назадъ. Лыжи вообще имѣютъ въ длину не болѣе двухъ аршинъ и ширину напередѣ до пяти и назадъ до шести вершковъ. По срединѣ ихъ сверху выдѣлываются изъ того же дерева, выжи-

ною въ полвершка, мѣста для ногъ (подласы), шокрытая, къ защитѣ отъ снѣга, берестою, и къ нимъ привязываются деревянные путы, для помѣщенія ногъ, и ремни, однѣ надѣваемые на пятки ногъ, другіе (юксы)—протянутые къ переднему концу лыжъ. Употребленіе лыжъ очень обширно. Безъ нихъ нельзя обойтись въ зимнихъ звѣриныхъ промыслахъ, и ими запасаются при каждой нарточной зимней поѣздкѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, прокладывать дорогу. Безъ привычки ходить на лыжахъ трудно. Должно стараться, чтобы концы ихъ не загибали одинъ за другой, и для того необходимо держать ноги всегда въ параллельномъ положеніи: иначе, упадешь и вскорѣ встанешь, при подвижности лыжъ.

Лапки, то же, что лыжи, составляли нѣкогда необходимую принадлежность для промышленниковъ въ Камчаткѣ, а можетъ-статься и донынѣ не совсѣмъ еще вышли изъ употребленія. Онѣ дѣлаются изъ двухъ тонкихъ брусковъ, по срединѣ раздѣленныхъ распорками, къ концамъ вмѣстѣ стянутымъ и вездѣ переплетенныхъ ремнями. Передній конецъ ихъ шире и загибается вверхъ, задній совершенно острый и пологій, такъ-что каждая лапка образуетъ видъ рыбы. Путы, въ которыя ставится нога, привязываются на самыхъ распоркахъ.

Лапки, или лыжи почти необходимы, когда по выпавшему только снѣгу либо по бездорожицѣ трудно бываетъ ѣхать. Бродовщикъ, оставя однѣхъ собакъ, если нѣтъ особаго проводника, идетъ на лыжахъ впередъ, по извѣстному направленію, и потомъ, возвратясь, ведетъ собакъ, запряженныхъ въ нарту, по проложенному имъ слѣду, продолжая эту тяжелую работу иногда много времени и на большомъ разстояніи. Обыкновенно служатъ къ тому простыя лыжи; но лапки вѣроятно, по легкости ихъ или другимъ уважительнымъ причинамъ, пользовались нѣкоторымъ преимуществомъ. Судя по названію лапокъ, усвоенному и Камчадалами, кажется, изобрѣтеніе ихъ принадлежитъ русскимъ промышленникамъ, между-тѣмъ, какъ лыжи извѣстны въ самыхъ баснословныхъ преданіяхъ Камчадаловъ, безъ-сомнѣнія, сохранившихся изъ глубокой древности. По этому баснословію, главное божество и прародитель Камчадалъ — Кутха (очевидно Кутай, или Кудай Татаръ) и по устроеніи камчатскихъ дѣлъ, и оставя въ Камчаткѣ сына и дочь, бывшихъ родоначальниками Камча-

даловъ, удалился невѣдомо куда на лыжахъ, и какъ онъ былъ старикъ огромнаго роста, то подъ лыжами его ровная тогда земля гнулась наподобіе тонкаго льда, и оттого образовались на ней горы и стремнины. Впослѣдствіи Камчадалы, сдѣлавшись всѣ христіанами, начали уже забывать нелѣпыя свои басни и болѣе имъ не вѣрятъ, хотя и не отстали еще отъ многихъ грубѣйшихъ предразсудковъ, которые истребятъ развѣ только время и просвѣщеніе, когда проникнетъ въ эту отчужденную отъ міра страну.

Г. СПАССКИЙ,
Д. Чл. Общ.

